

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

ЧЕТЫРЕ ШАГА

Константин Михайлович Симонов

Четыре шага

Серия «Из записок Лопатина», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183344

*Симонов К.М. Так называемая личная жизнь: Московский рабочий;
Москва; 1982*

Аннотация

«... Двадцать с лишним лет назад, в ходе работы над трилогией «Живые и мертвые», я задумал еще одну книгу – из записок Лопатина, – книгу о жизни военного корреспондента и о людях войны, увиденных его глазами. Между 1957 и 1963 годами главы этой будущей книги были напечатаны мною как отдельные, но при этом связанные друг с другом общим героем маленькие повести («Пантелеев», «Левашов», «Иноземцев и Рындин», «Жена приехала»). Впоследствии все эти вещи я соединил в одну повесть, назвав ее «Четыре шага». А начатое в ней повествование продолжил и закончил еще двумя повестями («Двадцать дней без войны» и «Мы не увидимся с тобой...»). Так сложился этот роман в трех повестях «Так называемая личная жизнь», который я предлагаю вниманию читателей.» *Константин Симонов*

Содержание

От автора	4
Четыре шага	6
1	6
2	11
3	22
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Константин Михайлович Симонов

Четыре шага

*Моим старшим товарищам – военным
корреспондентам из поколения Тихонова, Суркова,
Платонова, Славина – ПОСВЯЩАЕТСЯ.*

От автора

Двадцать с лишним лет назад, в ходе работы над трилогией «Живые и мертвые», я задумал еще одну книгу – из записок Лопатина, – книгу о жизни военного корреспондента и о людях войны, увиденных его глазами.

Между 1957 и 1963 годами главы этой будущей книги были напечатаны мною как отдельные, но при этом связанные друг с другом общим героем маленькие повести («Пантелеев», «Левашов», «Иноземцев и Рындин», «Жена приехала»). Впоследствии все эти вещи я соединил в одну повесть, назвав ее «Четыре шага». А начатое в ней повествование продолжил и закончил еще двумя повестями («Двадцать дней без войны» и «Мы не увидимся с тобой...»).

Так сложился этот роман в трех повестях «Так называемая личная жизнь», который я предлагаю вниманию читате-

лей.

Как и в других моих военных романах, у действующих лиц его – вымышленные фамилии, а у воинских частей – условные номера.

Естественно, что, написав роман о военном корреспонденте, я вспомнил в книге многое из виденного своими глазами, и это с первых же страниц заметят те, кто читал мои военные дневники.

Тем более хочу подчеркнуть, что мой роман – не автобиографический. Его главное действующее лицо – Василий Николаевич Лопатин, родившийся в конце XIX века и встретивший Великую Отечественную войну, перешагнув за сорок, – человек совсем другого поколения, чем я.

Впрочем, о каком поколении нашей интеллигенции идет речь, наверно, ясно и так – из посвящения, которое я предпослал роману.

Константин Симонов

Четыре шага

1

Корреспондент «Красной звезды», интендант второго ранга Лопатин, сидел в приемной члена Военного совета Крымской армии, ждал адъютанта и смотрел в окно.

Шел четвертый месяц войны. Симферополь жил полувоенной-полумирной жизнью конца сентября 1941 года. Под окнами штаба из запыленных «эмок», обтирая платками черные от пыли лица, вылезали обвешанные оружием командиры, только что приехавшие с Перекопа и Чонгара. На другой стороне, у ларька с голубой вывеской «Мороженое», толпились в очереди пестро, по-летнему одетые женщины. Стояла сухая осенняя крымская жара.

Лопатин только вчера вечером вернулся из двадцатидневного плавания на подводной лодке, застал на узле связи пачку раздраженных телеграмм редактора и, до утра просидев за машинкой, по телефону, кружным путем, через Керчь и Ростов, продиктовал статью редакционной стенографистке.

Пока Лопатин был в плавании, положение на юге ухудшилось, и, хотя в утреннем сообщении Информбюро стояла та же самая фраза, что он читал двадцать дней назад, — «наши войска вели бои с противником на всем фронте», — сидевшие

в Симферополе газетчики рассказали, что за это время немцы переправились через Днепр у Каховки и, выйдя к Мариуполю, отрезали Крым.

Утром по телефону Лопатин не застал редактора и теперь колебался – лететь ли в Москву, как было условлено раньше, или в связи с новой обстановкой оставаться в Крыму.

Желание решить свое ближайшее будущее и привело Лопатина к члену Военного совета армии дивизионному комиссару Пантелееву. Надо было посоветоваться с ним и попытаться дозвониться по ВЧ до редактора.

Дверь кабинета отворилась, из нее выбежал с папкой бумаг совсем молоденький младший политрук. У него было розовое, чистенькое лицо, еще сохранившее ту улыбку, с которой он выслушал последнюю шутку начальства. Положив папку на стол, он скользнул глазами по пыльным, с широкими голенищами, солдатским сапогам интенданта второго ранга и вопросительно уставился на него.

– Вы адъютант члена Военного совета? – спросил Лопатин, поднимаясь со стула, хотя и был старше по званию.

– Да.

– Доложите, пожалуйста, обо мне дивизионному комиссару.

Лопатин назвал газету и свою фамилию.

Минуту спустя он уже входил в кабинет мимо посторонившегося адъютанта. За письменным столом, позади которого, у стены, стояла заправленная солдатским одеялом кой-

ка, сидел дивизионный комиссар Пантелеев, бритоголовый, краснолицый человек с очень черными бровями. Лопатину самому не привелось встречаться с ним на финской войне, но от своих товарищей, служивших во фронтовой газете на Карельском перешейке, он слышал много рассказов о Пантелееве как о человеке замечательной храбрости.

Здороваясь, Пантелеев привстал. Он был невысок ростом и плотен. На нем была бумажная гимнастерка с двумя орденами Красного Знамени и синие суконные бриджи. На толстые, короткие ноги были натянуты только что начищенные, резко пахнувшие ваксой сапоги.

Он слушал Лопатина, глядя прямо на него своими черными глазами, и потирал бритую голову то в одном месте, то в другом, словно проверяя, хорошо ли побрил его парикмахер.

Узнав, что Лопатин хочет созвониться с редактором, Пантелеев приостановил его движением руки, снял трубку ВЧ и приказал, чтобы его соединили с Москвой.

– Положение у нас в Крыму такое, – сказал он, до конца дослушав Лопатина, – войска стоят на позициях, оборона готова, немцы подошли вплитирку, но когда начнут – трудно сказать. Крыма им, пока живы, не отдадим, – значит, придется драться. – Пантелеев сказал это безо всякой аффектации и улыбнулся.

У него за спиной затрещал телефон, и он, быстро повернувшись, снял трубку. Судя по восклицаниям Пантелеева, Лопатин понял, что они с редактором на короткой ноге.

– А ты оставь его у меня насовсем, чего ему ездить взад-вперед, – говорил в трубку Пантелеев. – Почему жирно, ничего не жирно, у тебя их много, а мы начинающие, только еще воевать начинаем. Берите трубку, – сказал он Лопатину и снова улыбнулся.

Сквозь сухое многоголосое жужжание ВЧ Лопатин услышал знакомый кашляющий голос редактора.

– Оставайся пока у Пантелеева, – сказал редактор. – Только когда будешь ездить с ним – смотри! А то я его знаю – и сам угробится, и тебя угробит. – Редактор хохотнул в телефон, и его далекий московский смешок оборвался где-то посередине.

– Значит, остаетесь, – сказал Пантелеев и быстро и внимательно, уже как собственность, оглядел своими черными глазами Лопатина.

Перед ним на стуле сидел худощавый жилистый человек в круглых металлических очках. Лицо у него было узкое и худое, а глаза за очками – твердые и холодноватые. Этот человек показался Пантелееву чем-то похожим на знакомого ему по финской войне писателя Павленко, но книг Лопатина он не читал, хотя в документах интенданта второго ранга тоже значилось: писатель.

– А вы не больны? – спросил Пантелеев, вглядываясь в бледное после долгого подводного плавания лицо Лопатина.

– Нет, не болен.

– А жилье у вас есть?

– Есть койка в гостинице.

– Будьте здесь завтра в шесть утра, – сказал Пантелеев, вставая и с пяток на носки покачиваясь на коротких толстых ногах. – Поедем на Перекоп. – И пожал Лопатину руку.

Вернувшись в гостиницу, Лопатин лег в постель, так и не поев в этот день. Он рассчитывал перекусить запасами, оставленными в вещевом мешке перед уходом в плавание, но мешок был пуст, даже от сухарей остались одни крошки. Редакционный шофер Мартянов, с которым Лопатину и раньше не удавалось поставить себя в положение начальника, за три недели его отсутствия, очевидно, совсем отбился от рук. Ни в гостинице, ни около нее не было ни Мартянова, ни машины, он даже не посчитал нужным оставить хотя бы записку. Усмехнувшись над собственной, начинавшей ему надоедать безрукостью, Лопатин сбросил сапоги, не раздеваясь повалился на койку, и заснул мертвым сном.

В пять утра, когда Лопатин проснулся, ни шофера, ни машины все еще не было. Оставалось надеяться, что у Пантелеева найдется лишнее место.

У подъезда штаба стояла «эмка». Розовый младший политрук, держа в руках небольшой чемоданчик, – «наверное, с едой» – завистливо подумал Лопатин, – бранил немолодого шофера в плохо пригнанном новом обмундировании.

– Так ведь, товарищ Велихов, – оправдываясь, говорил шофер, прикручивая проволокой бачок с запасным бензином к заднему буферу машины, – вы же поймите...

– Во-первых, обращайтесь по званию, – строго прервал его розовый младший политрук и, увидев Лопатина, подчеркнуто официально козырнул ему. – А во-вторых, я все помню: велено было вам взять три банки, а вы взяли две.

– Так ведь для рессор будет тяжело, – не отрываясь от своего занятия, миролюбиво ворчал шофер, – Ведь дорога-то какая...

– Я не слышу, что вы там говорите. Встаньте, когда говорите с командиром.

Шофер, прикручивавший бачок сидя на корточках, встал, неловко опустив руки по швам. По его лицу было видно, что он обижен, с удовольствием послал бы адъютанта к чертовой матери, но не решается.

В эту минуту из подъезда вышел Пантелеев.

— Как у вас, все готово? — обратился он к шоферу.

— Все в порядке, товарищ Пантелеев, — весело сказал шофер, торопливо вытирая руки тряпьем.

Младший политрук посмотрел на него уничтожающим взглядом, — он даже к дивизионному комиссару ухитрился обратиться не по званию. Однако сделать замечание в присутствии начальника адъютант не посмел и только, зло поджав губы, глянул в спину шофера: мол, погоди, придет время, я с тобой поговорю!

— Раз все в порядке, значит, едем, — сказал Пантелеев и, пожав руку Лопатину, сел впереди.

Лопатин и политрук сели сзади. Шофер захлопнул дверцу, и машина тронулась.

Пантелеев снял фуражку, и через минуту его бритая голова стала беспомощно склоняться то вправо, то влево. Он спал. Лопатин и адъютант ехали молча. Лопатина клонило ко сну, а младший политрук, открыв до отказа боковое стекло и высунув в него голову, неотрывно следил за воздухом.

Через два часа, когда машина подъехала к развилке дорог, из которых одна шла к Перекопу, а другая поворачивала на Чонгар, Пантелеев, как по команде, проснулся, пошарил рукой и, надев скатившуюся на пол машины фуражку, сказал шоферу, чтобы тот сворачивал направо, к Чонгару. Лопатин не собирался ничего спрашивать, но Пантелеев сам повернулся к нему, чтобы объяснить, почему они едут на Чонгар,

а не к Перекопу, как собирались вчера.

Оказывается, на Перекопе по-прежнему была тишина, а на Чонгаре немцы вчера днем неожиданно вышли к станции Сальково, лежавшей перед нашим передним краем, и заняли ее. Сальково по предварительному плану оборонять не предполагалось, но батальон, стоявший там в охране, после внезапной атаки немцев оказался отрезанным на той стороне, за станцией.

– Я там был вчера вечером, – сказал Пантелеев, и Лопатин понял, почему он сразу, сев в машину, заснул. Очевидно, он так и не ложился спать. – Пытались в ночном бою отбить станцию и вывести батальон. Сегодня придется повторить – вчера не вышло.

И он стал рассказывать, почему не вышло: кругом все уже было заминировано, и, чтобы прорваться к Сальково, оставалась только узкая полоса в несколько десятков метров с двух сторон железной дороги. Полк был еще не воевавший, да вдобавок недавно развернутый, укомплектованный из запаса, как, впрочем, и вся дивизия. В ночном бою все перепуталось – чуть не постреляли друг друга. Пришлось остановиться, чтобы навести порядок, подготовить огонь артиллерии и сегодня утром начать сначала.

– Ну и командир дивизии вчера, по правде сказать... – Пантелеев оборвал себя на полуслове и, обращаясь к младшему политруку, сказал: – Спел бы, а, Велихов! Прилетят – услышим. Подними стекло – пыль!

Велихов обиженно поднял стекло – он заботился о безопасности дивизионного комиссара, а тот сказал об этом так, словно адъютант следил за воздухом из трусости. Потом он задумался и негромко, душевным тенором затянул песню о коногоне, которого завалило в шахте. «...А молодого коногона его товарищи несут...» – пел он, и его розовое молодое лицо делалось с каждым куплетом песни все добрей и печальней. Лопатин никогда не слышал этой песни.

– Наша, шахтерская, – сказал Пантелеев и согнутым пальцем потер глаз.

– А вы откуда, товарищ Пантелеев? – спросил неисправимый шофер, и у младшего политрука снова сделалось строгое лицо.

– Я-то? – воспринимая это штатское обращение к себе как самое естественное, переспросил Пантелеев. – Из-под Енакиево. А вы?

– Ворошиловградский, – сказал шофер и затормозил. – По-моему, теперь налево?

– Второй раз едете, надо помнить! – сказал Пантелеев и, прищурясь, посмотрел налево. – Сворачивайте.

«Эмка» подъехала к штабу дивизии. Он размещался в километре от видневшегося на пригорке небольшого хутора. Повсюду змеились ходы сообщения. Несмотря на здешнюю бедность лесом, штабные землянки были перекрыты толстыми бревнами в три-четыре наката, чувствовалось, что с противовоздушной защитой тут постарались на совесть.

Адъютант командира дивизии, прислушиваясь к воздуху, заметно нервничал и, покрикивая на шофера, поспешно загонял под маскировочную сетку «эмку», на которой приехали Пантелеев и Лопатин.

Командир дивизии – генерал-майор с лицом, которое было трудно запомнить, – встретил приехавшего Пантелеева так подобострастно, что показался Лопатину меньше ростом, чем был на самом деле. Поскрипывая новыми ремнями, он все время нагибался с высоты своего саженого роста к Пантелееву, шлепая ему губами в самое ухо, и мягко, но настойчиво теснил Пантелеева по ходу сообщения. Он хотел вести предстоявший ему неприятный разговор внизу, в блиндаже. Наконец Пантелеев отодвинулся от него, с недоброжелательным интересом посмотрел генерал-майору прямо в глаза и, выйдя из хода сообщения, сел на траву на открытом месте.

– Садитесь, – сказал он генерал-майору, хлопнув рукой по земле.

Генерал-майор хотел удержаться и не взглянуть на небо, но не удержался, все-таки взглянул и только после этого сел рядом с Пантелеевым.

– Вас что, разбомбили, что ли? – взглянув на небо, а потом на генерал-майора, спросил Пантелеев.

– Как? Почему разбомбили? – не поняв насмешки, переспросил генерал.

– А я думал, разбомбили, – сказал Пантелеев, – больно уж

вас под землю тянет. Как с Сальково?

– В десять пятнадцать, как приказано командующим, повторим атаку, – ответил генерал-майор и, побоявшись, что задел самолюбие члена Военного совета, поправился: – Как приказано Военным советом армии, так и будет сделано.

Пантелеев поморщился.

– Приказано, приказано, – проворчал он. – Вам вчера было приказано, а вы дотянули до ночи и провалили.

– Неудача, товарищ член Военного совета, – разведя руками, сказал генерал. – Случается! Вы сами вчера видели.

– Неудачу-то я видел, – проговорил Пантелеев медленно и задумчиво, словно восстанавливая перед глазами зрелище вчерашней неудачи. – Неудачу-то я видел, – повторил он, – а вот вас там, где была у вас неудача, я не видел. Командира полка видел, а вас нет.

– Совершенно правильно, – с покорным бесстыдством сказал генерал. – Я на другом боевом участке в это время был.

– На другом? – Пантелеев посмотрел на генерала, потом на щель, в конце которой виднелся вход в генеральский блиндаж, и хмыкнул.

– А сегодня, – после паузы спросил он, – тоже будете во время атаки на другом участке, или как?

– Никак нет, – сказал генерал и, завернув рукав гимнастерки, посмотрел на большие часы. – В девять тридцать прибудет командующий и двинемся вместе на НП полка.

– Командующий? – протянул Пантелеев.

То, что сюда приедет командующий, было для него неожиданностью.

– Так точно, пятнадцать минут назад звонил, предупредил, – сказал генерал, в душе довольный тем, что с приходом командующего он не останется один на один с Пантелеевым – непрошеным свидетелем его вчерашней неудачи.

– Он мне с ночи не говорил – значит, передумал, – сказал Пантелеев, – Слушайте, товарищ Кудинов, – он впервые назвал генерала по фамилии, – а как у вас все-таки дела на Арабатской Стрелке, только не в общих чертах, а конкретно?

– Под утро прошел слух, что туда ночью просочились немцы.

– Вот именно, – перебил его Пантелеев, – об этом я и спрашиваю.

Кудинов чуть заметно пожал плечами.

– По полученным нами предварительным сведениям, это не соответствует действительности, по я дал приказание, чтобы в дальнейшем уточнили окончательно.

– Предварительно... окончательно... – пробурчал еле слышно, но сердито Пантелеев, – а конкретно – порядок там у вас или нет?

– Порядок! – набрав полную грудь воздуха, отчеканил генерал.

– Ладно, – сказал Пантелеев, вставая и протягивая ему руку. – Дожидайтесь командующего и воюйте.

– А вы? – удивленно спросил Кудинов.

– А я поеду на Арабатскую Стрелку, раз у вас там все в порядке.

Он сказал это с грубоватой иронией, к которой Лопатин начинал привыкать, – она означала, что Пантелеев ни на грош не верит в тот порядок, о котором ему доложил генерал.

– А может быть, позавтракаете в ожидании приезда командующего – там, на хуторе, у меня все приготовлено, а, Андрей Семенович?

Кудинов гостеприимно повел рукой в сторону белевшего на бугре хуторка. Он был зол на Пантелеева, но желание загладить вчерашнее было сильнее обиды.

– Нет уж, поеду. Спасибо, – буркнул Пантелеев. – А позавтракать все ж таки надо, – зевая и потягиваясь, сказал он вскоре после того, как они отъехали от кудиновского штаба. – Вы кушали?

Лопатин подумал, что этот вопрос относится к нему, и хотел ответить, но, оказывается, Пантелеев спросил не его, а шофера.

– Немножко подзаправился, – ответил шофер.

– На немножко далеко не уедешь, – сказал Пантелеев и обратился на этот раз уже к Лопатину: – А вы?

– Не успел, – сказал Лопатин.

– И мы с Велиховым тоже не завтракали, – кивнул Пантелеев на адъютанта. – Я у Кудинова отказался – боялся, что

хоть и на хуторе, а все же куда-нибудь в щель засадит. Сворачивайте к копне, вон к той, дальней... – показал он шоферу.

Машина стала в тени огромной копны сена. Высоко над степью кружился немецкий разведчик. С разных сторон по нему лениво постреливали из пулеметов и винтовок.

Велихов открыл чемоданчик, раскинул на сене салфетку, достал помидоры, огурцы, хлеб, крутые яйца и термос с чаем. Разложив все на салфетке, он подошел к шоферу и стал злым, хорошо слышным шепотом снова, как в Симферополе, пилить его, требуя, чтобы тот развернул машину не так, как она стоит, а как-то по-другому, чтобы она стояла на ходу и ее не было видно сверху. Во всем этом не было никакой необходимости – в тени копны машины сверху и так не было видно, а в открытой степи она, как ее ни поверни, все равно стояла на ходу.

Пантелеев достал из чемоданчика пузырек с тройным одеколоном, вытер руки сначала одеколоном, потом насухо платком и сел. Нарезая ломтями хлеб и толстыми ловкими пальцами быстро очищая одно за другим яйца, он прислушивался к разговору.

Наконец обиженный шофер не выдержал и огрызнулся.

Лопатин смотрел на сидевшего рядом с ним Пантелеева – ему было интересно, как тот поступит.

Пантелеев дочистил последнее яйцо и сложил скорлупу в обрывок газеты:

– Давайте кушать.

Велихов подошел и сел, а шофер обиженно отошел в сторону, сделав вид, что предложение Пантелеева к нему не относится.

– А вы, – сказал Пантелеев, – идите кушать!

– Нет, спасибо, – ответил шофер. – Я не хочу кушать. Не могу.

– Почему же не можете? Со мной не хотите, что ли? – спросил Пантелеев, расстегивая воротничок и поудобнее примащиваясь на охапке сена.

– С вами я могу, а с ними не хочу, – шофер пальцем показал на адъютанта.

– Тут я, а не он хозяин, – сказал Пантелеев. – Стол-то мой, раз я зову, давайте кушать.

Шофер покосился на адъютанта, подошел и присел на корточки рядом с Лопатиным.

Завтракали минут двадцать. Еле видные в небе разведчики теперь гудели сразу в нескольких местах, и теперь по ним стреляли отовсюду; в небо лопались белые шарики зенитных разрывов.

– Вы на Западном фронте были? – поглядев на небо, спросил Лопатина Пантелеев.

– Был с июня до августа.

– А я до сентября. Я здесь неделю всего, – Пантелеев снова посмотрел на небо. – Там, на Западном, на это уже и внимания не обращают, а здесь в щели лезут. Дело привычки; но, пока одни привыкает, другого уже убивают. Так и вертится

чертово колесо... Собирай, Велихов, да поедem, – кивнул он на салфетку и оставшуюся еду.

– Как по-вашему, что дороже на войне, – вставая, спросил Пантелеев у Лопатина (Велихов и шофер уже пошли к машине), – храбрость или привычка?

– Привычка, – не думая, ответил Лопатин.

Пантелеев покачал головой.

– Что, неправда?

– Правда, но жалко, – сказал Пантелеев. – Жалко, что много храбрых людей до этой привычки не доживают. Сколько раз я на маневрах был, десятки раз, а на поверку вышло: война как вода, – пока не нырнешь в нее, плавать не научишься. Как там, уложились?

К переправе на Арабатскую Стрелку подъехали только в одиннадцатом часу. На месте переправы берег был отлогий, мелкая вода пролива играла прохладной осенней рябью. Вдали, в семи километрах, над серой водой поднималась желтовато-серая полоска Арабатской Стрелки.

Рыбаки из Геническа, здоровые, шумные парии в закатанных до колен штанах, выскакивая из лодок, одну за другой подтаскивали их по мелководью поближе к берегу. На лодки грузилась стрелковая рота. Красноармейцы, так же как и рыбаки, разувались, подсучивали штаны и, держа в руках сапоги, перебирались в лодки. Немного подальше на берегу сидела еще одна рота, ждавшая переправы.

Переправой распорядился толстый немолодой полковник – южанин по виду. Увидев выходящего из машины дивизионного комиссара, полковник подобрал толстый живот, сделал несколько шагов навстречу, вытянулся и, почему-то – Лопатин еще не понял почему – уже заранее волнуясь, доложил, что он командир полка полковник Бабуров и что во вверенном ему полку все в порядке.

– Чем сейчас заняты? – спросил Пантелеев, внимательно глядя на него.

Полковник сказал, что сейчас он занят тем, что отправляет вот эти две роты на Арабатскую Стрелку и сам тоже пе-

переправляется туда.

– Верно ли, что не то вечером, не то ночью на вашу Арабатскую Стрелку немцы пролезли? – спросил Пантелеев.

Полковник ответил, что нет, что на Арабатской Стрелке все укреплено, организована оборона и сведения о немцах неверны.

– А зачем же вы переправляете туда еще две роты и сами едете?

– Я еду... – Полковник начал фразу быстро и уверенно, но посередине сник. – Я еду потому, что... потому, чтобы там все было обеспечено.

– Так вы же говорите, что у вас там и так все обеспечено, – неумолимо продолжал Пантелеев.

– Так точно, обеспечено, но я еще хочу обеспечить...

Пантелеев недоверчиво усмехнулся и приказал, чтобы ему сейчас же дали моторку – ехать на тот берег одновременно с переправлявшейся ротой.

– Поедем посмотрим, какой там у них порядок, – сказал он Лопатину, грузно перешагивая через борт моторки.

Полковник, севший в моторку вместе с ними, полунедоуменно, полузаискивающе поглядел на Лопатина, которому член Военного совета сказал «посмотрим, какой там у них порядок».

Лопатин отвел глаза. Ему стало стыдно за этого растерявшегося человека.

Пантелеев всю дорогу молчал с таким видом, что ни у ко-

го не возникало желания с ним заговорить. «Что бы вы мне теперь тут ни болтали, я вам не верю, – говорил его вид, – не верю и не буду терять времени ни на вопросы, ни на выслушивание ваших ответов. Сам поеду, сам посмотрю и сам себе отвечу».

Берег, к которому подошла моторка, оказался таким же пологим, как и тот, от которого она отчалила. День был жаркий, сухой, повсюду палило солнце. У самой переправы грелись на солнце минометчики, а чуть подальше отдыхало еще два десятка недавно переправившихся солдат. Обстановка показалась Лопатину совершенно мирной. Еще более мирный вид придавали ей работавшие на переправе рыбаки. Не чувствуя себя ни у кого в подчинении, они на глазах у начальства курили трубки и самокрутки и, громко и весело перекрикиваясь с лодки на лодку, обсуждали, где в обед лучше будет варить уху – на том или на этом берегу.

Лопатин не сразу поверил, когда ему сказали, что эти люди всего три дня назад угнали свои лодки от неожиданно ворвавшихся в Геничеськ немцев, оставив родной город, жен и детей.

– Ну, где у вас штаб батальона? – едва успев ступить на землю, спросил Пантелеев у Бабурова. – Как будем добираться?

– Сейчас машина подойдет, товарищ дивизионный комиссар. – Судя по лицу полковника, он ожидал упрека за то, что дивизионный комиссар уже переправился, а машина ему еще

не подана, но Пантелеев только кивнул.

Отойдя на два десятка шагов, Бабуров поманил к себе пальцем какого-то младшего командира, должно быть виновного в том, что машины еще нет на месте, и стал неслышно, но свирепо распекать его. Лопатин видел, как у полковника сердито дрыгали заросшие седой щетиной красные обвислые щеки.

Пантелеев, по-прежнему не выражая желания ни с кем разговаривать, угрюмо шагал взад и вперед по берегу. Лопатин вынул из планшета карту, чтобы сориентироваться, в какой точке Арабатской Стрелки они высадились. Отделяя Сиваш от Азовского моря, окаймленная с двух сторон голубовато-синей водой, на карте лежала узкая и бесконечно длинная полоска земли. Южный конец ее за обрезом карты уходил к Керченскому полуострову; на севере синяя ниточка пролива отделяла ее от занятого немцами Геническа. Всего месяц назад Лопатин ехал в Крым именно через этот город, через мост, который теперь, как говорят, взорван, через эту самую Арабатскую Стрелку, на берегу которой он сейчас стоял.

Судя по карте, отсюда до северного конца Стрелки было километров пятнадцать. «А впрочем, – подумал он, – туда, до самого конца, сейчас вряд ли доберешься». Геничesk стоял на горе, и месяц назад Лопатин сам смотрел оттуда, сверху, на Арабатскую Стрелку, похожую с горы на очень широкое, желтовато-серо о шоссе, идущее прямо через мо-

ре. Немцы, которые теперь сидели в Геническе, наверное, просматривали далеко вглубь все, что было на Арабатской Стрелке.

«Смотри там, у Пантелеева, а то и сам угробится, и тебя угробит, я его знаю», – вспомнил Лопатин телефонный хохоток редактора, и его передернуло при мысли о немцах, которые смотрят на Арабатскую Стрелку сверху, из Геническа. Ему захотелось потянуться и выдохнуть из себя что-то холодное, неприятное, проползшее внутри живота. Это был один из тех приступов страха, которые Лопатин знал за собой, и, как всегда, ему показалось, что другие могут заметить это. Он обернулся и взглянул на Пантелеева.

Но Пантелеев по-прежнему сердито ходил по берегу, думая о чем-то своем.

– Эй! – услышал Лопатин вместе с отчаянным скрипом тормозов пронзительный женский голос. Прямо перед ним остановилась полуторка, за рулем которой сидела белобрысая девушка в голубом выцветшем платье и белой запыленной косынке. Даже через стекло кабины было видно, какие у нее отчаянные голубые глаза и веснушки, такие крупные, какие бывают только у огненно-рыжих мальчишек.

– Эх, товарищ командир, – весело крикнула девушка, спрыгивая с подножки грузовика, – через вас мотор заглох! Хотела задавить, да пожалела!

Она прошла мимо Лопатина, мальчишеским жестом сдвинула на затылок косынку, ловко вставила заводную ручку и

несколько раз подряд крутанула ее. Лопатин видел, как под выцветшим голубым ситцем напряглись ее худые лопатки.

Но машина не завелась.

– Давайте помогу, – сказал Лопатин, становясь рядом с ней.

– Помоложе вас есть, – полуобернулась к Лопатину девушка; увидев теперь совсем близко ее лицо, Лопатин подумал, что и в самом деле в свои сорок с лишним он кажется ей старым человеком, и не решился во второй раз предлагать помощь.

Девушка нагнулась и снова взялась за ручку.

Машина опять не завелась.

– Дай-ка я, – подскочил коренастый маленький боец.

– Поздно собрался, – отрезала девушка. Широко раздвинув йоги, как заправский шофер-мужчина, она несколько раз, не разгибаясь, крутанула ручку – лопатки так и заходили у нее под платьем. Машина фыркнула и завелась.

– Вот и готово, – сказала она, задохнувшись, тыльной стороной руки устало вытерла пот со лба и улыбнулась Лопатину.

– С тобой поедем? – спросил подошедший Пантелеев.

– Со мной, товарищ начальник. Садитесь!

– Что, у вас бойцов, что ли, нет? – покосившись на девушку, спросил Пантелеев стоявшего за его спиной Бабурова.

– А я – боец, – смело сказала девушка.

– Какой же ты боец?

– Обыкновенный, вместе с машиной мобилизовали. Два дня служу. – Чувствовалось, что ей нравится и слово «служу», и слово «мобилизовали», и слово «боец».

– Только обмундирования не дают, вы бы уж сказали, товарищ начальник, – не очень разбираясь в знаках различия, но безошибочно угадав в Пантелееве начальника, сказала девушка. – Одни сапоги выдали, – добавила она, кивнув на свои голые коленки, вылезавшие из кирзовых сапог, – да винтовку. Шинель просила, и ту не дали.

– Ладно, разберемся, – сказал Пантелеев. – А стрелять из винтовки умеешь?

– Я все умею, – весело сказала девушка и полезла в кабину.

Пантелеев сел рядом с ней, а Велихов и Лопатин влезли в кузов, посадив перед этим тяжело дышавшего толстого Бабурова. Машина затарахтела по кочкам.

На Арабатской Стрелке стояла тишина, не было слышно ни одного звука, кроме погромыхивания старой полуторки. Дорога была пустынной – слева мелькнуло несколько глинобитных домиков, и снова потянулась голая кочковатая степь. Справа, вдоль берега Азовского моря, белели холмики соли, и Лопатин вспомнил, что он уже видел их, когда проезжал здесь в конце августа: на Арабатской Стрелке были соляные промыслы.

Бабуров сидел в углу кузова, у него был несчастный и злой вид; сзади него гремели разболтанные борта, на ухабах он хватался за них, чтобы не удариться, и болезненно морщился.

Примерно на шестом километре он вскочил на ноги и, неловко пробежав по кузову, постучал в стенку кабины. Машина остановилась.

– В чем дело? – высунувшись, спросил Пантелеев.

– В штаб батальона приехали!

Прямо у дороги, в скате небольшого холма, были вырыты блиндажи и ходы сообщения.

Пантелеев вылез из машины и достал карту.

– Значит, тут у вас штаб батальона? – тыча в карту пальцем, спросил он Бабурова. Лицо его побледнело, а черные глаза стали узкими и жестокими.

– Так точно! – Приложив к козырьку руку, Бабуров так и стоял, от растерянности забыв опустить ее.

– А сколько у вас отсюда до переднего края? – спросил Пантелеев. – Не знаете? Не считали? Так я вам сосчитаю...

– И он, расставив циркулем пальцы, ткнул ими в карту. – Девять километров от штаба батальона до вашей передовой роты – вот сколько! Где командир батальона? Вы командир батальона? – обратился он к подбежавшему старшему лейтенанту.

– Я начальник штаба батальона.

– А где ваш командир батальона?

– Впереди.

– Где впереди? Вызовите его к телефону.

Пантелееву ответили, что с командиром батальона нет связи.

– Как нет связи? Не протянули или прервана?

Бабуров и старший лейтенант, перебивая друг друга, ответили, что связь прервана еще ночью.

– А когда же ушел вперед командир батальона?

– Вчера вечером.

– И с тех пор нет с ним связи?

– Да, то есть нет... – все более растерянно отвечал старший лейтенант.

В конце концов выяснилось, что командир батальона еще с вечера пропал без вести, но об этом до сих пор боялись докладывать.

– Где же он пропал?

Старший лейтенант начал объяснять, что командир батальона пропал, потому что он вчера вечером пошел в передовую роту, лежавшую в окопах на берегу под самым Геническим. А в роту он пошел потому, что там вечером началась непонятная стрельба, а стрельбу, как это теперь уже ясно, открыли немцы, которые, как говорят, высадились на косе. И вообще говорят, что со всей первой ротой случилось что-то неладное.

– Кто говорит? Кто вам об этом докладывал? Покажите, где тот человек? – задавал вопрос за вопросом Пантелеев.

Но кто это говорил, кто докладывал, где человек, который докладывал, – никто не знал.

– Ну хорошо, а что там сейчас, вам известно?

Старший лейтенант недоуменно пожал плечами. «Командир батальона приказал ему остаться здесь, и вот он и остался здесь и ждет дальнейших приказаний». Он говорил это с видом человека, которого оставили посторожить квартиру, пока вернутся хозяева.

Пантелеев глубоко вздохнул и посмотрел на Бабурова. Он уже понял, что дело не просто в бестолковом начальнике штаба батальона и его пропавшем командире, дело в том, что на сегодняшний день в дивизии генерала Кудинова сверху донизу не было порядка. Не было вчера у самого Кудинова в бою под Сальково, не было у его командира полка Бабурова, не было порядка и здесь, в батальоне.

– Почему, скажите мне по крайней мере, – бледнея от усилия сдержаться, спросил Пантелеев у старшего лейтенанта, – почему вы выбрали это место для командного пункта батальона? Место в девяти километрах от переднего края! Вы его сами выбирали?

Старший лейтенант, оглянувшись на Бабурова, ответил, что нет, они выбирали этот пункт вместе с командиром полка.

– Почему именно этот пункт? – спросил Пантелеев, повернувшись к Бабурову.

Тот, путаясь и заикаясь, сказал, что выбрал этот пункт потому, что отсюда все хорошо видно и вообще это самая ближняя от переднего края горка.

– Горка... – повторил Пантелеев, и слово «горка» прозвучало в его устах как ругань. – Сами вы... – он оборвал себя, спросив: – А где у вас стоит тяжелая морская батарея?

Оказалось, что тяжелая морская батарея стоит в четырех километрах впереди – между ротой и командным пунктом батальона.

– Хороши гуси-лебеди... Вот я поеду сейчас вперед, – повернулся он к старшему лейтенанту, – а когда вернусь и увижу, что штаб батальона находится еще здесь, возьму и расстреляю вас, прямо на этой самой вашей горке!

И, больше не интересуясь старшим лейтенантом, снова повернулся к Бабурову.

– А вы, товарищ полковник, – слова «товарищ полков-

ник» дышали ядом, — будьте любезны доложить мне, что у вас происходило здесь вчера вечером, сегодня ночью и сегодня утром и почему вы никому не донесли до сих пор о том, что у вас тут происходит? Вы здесь были?

Бабуров ответил, что вот он здесь, он приехал сюда вместе с товарищем дивизионным комиссаром...

— А там, в роте у себя, вы были?

Бабуров сказал, что, когда его застал на берегу товарищ дивизионный комиссар, он как раз собирался туда, в роту, а не сообщил он раньше потому, что думал ликвидировать все сам, своими силами.

— Что ликвидировать? — закричал Пантелеев. — Что ликвидировать? Вы же там не были! Вы же не знаете, что ликвидировать! Вы же не знаете, есть там немцы или нет? Живы у вас там люди или не живы? Ничего вы не знаете...

Бабуров во время этой вспышки гнева вдруг собрал остатки самолюбия и в ответ сказал громко, с некоторой даже напыщенностью, что раз есть приказ не пустить врага на крымскую землю, то, чего бы это ему ни стоило, он приказ выполнит и, какие бы там немцы ни были, он пойдет и уничтожит их!

Пантелеев молча смерил его взглядом.

— Хорошо, мы с вами потом поговорим, — сказал он почти спокойно, владевший им гнев все больше переходил в презрение, — поедете со мной. Дайте несколько бойцов, — обратился он к старшему лейтенанту, — пусть садятся в кузов и

едут со мной.

Старший лейтенант побежал распорядиться, а Пантелеев сел в кабину и захлопнул дверцу.

– Можно ехать, товарищ начальник? – спросила девушка.

– Погляди, когда люди в кузов сядут, тогда и поедем.

Девушка вылезла из кабины. Пантелеев оглянулся, увидел, что ее нет, и глубоко вздохнул. Он был рад, что на минуту остался один.

Эх! Если б все происходившее на его глазах в этой наспех сформированной дивизии было только от неопытности! И не только безрукость Кудинова всему виной! С неопытностью так ли, иначе, а придется прощаться в боях. И командира дивизии можно найти порукастей. Если б дело только в этом – полбеда! А беда в том, что ни Кудинову, ни этому мордастому растерянному Бабурову ни старшему лейтенанту – начальнику штаба батальона – всем троим не хватило сегодня самого обыкновенного гражданского мужества, – а этого Пантелеев не прощал ни себе, ни другим.

Начальник штаба, надеясь, что все как-нибудь обойдется, не доложил всей правды Бабурову. Бабуров, подозревая, что ему докладывают не все, не стал докапываться, – благо это давало ему возможность на первых порах сообщить в дивизию нечто неопределенное, а тем временем исправить положение, не успев получить нагоняй. Кудинов в свою очередь посчитал, что с него хватит вчерашнего разноса за Сальково, и доложил в армию о событиях на Арабатской Стрелке, как

о чем-то уж и вовсе незначительном; он надеялся, что все обойдется, а на случай катастрофы у него оставалась ссылка, что он хотя и не полностью, но все же кому-то что-то заранее докладывал. Так одна ложь наворачивалась на другую и росла как снежный ком, а где-то за девять километров отсюда погибла – всем своим чутьем военного человека Пантелеев знал, что именно погибла, – рота, которую, может, и удалось бы выручить, если б сразу, со вчерашнего вечера, все делалось иначе.

Откуда черт возьми, взялось это поветрие, которое он заметил еще на финской войне? Откуда в Красной Армии, в Красной, в Рабоче-Крестьянской, в той, которой он отдал всю свою жизнь и которую любит больше жизни, откуда в ней взялись эти люди, которые боятся донести о неудаче больше, чем самой неудачи, боятся ответственности за потери больше самих потерь! Люди, которых до конца вылечит или до конца разоблачит только сама война!

Девушка-шофер влезла в машину и захлопнула дверцу.
– Можно ехать, товарищ дивизионный комиссар! – подойдя с другой стороны, через стекло кабины прокричал Бабуров.

Пантелеев со злостью взглянул на него. Когда человек расплачивается собственной жизнью за то, что он в свое время трусил доложить правду, – в конце концов, черт с ним, с дураком, по когда за это расплачивается жизнью не он, а другие... Пантелеев даже скрипнул зубами и, отвернувшись от

Бабурова, тихонько тронул за плечо девушку: – Езжай!

Лопатин ехал в грузовике стоя. Улегшись грудью на крышу кабины, он разложил перед собой карту Арабатской Стрелки и, прижав ее от ветра локтями, сверял с местностью. Через десять минут машина проехала мимо стоявшей на горке маленькой пустой деревни, так и помеченной на карте «Геническая горка». Отсюда был виден Геническ. Впереди тянулась насыпь узкоколейки, возле которой, километрах в двух, что-то чернело. «Очевидно, это и есть морская батарея, о которой говорил командир полка», – подумал Лопатин. Еще дальше виднелась пыльная зелень посадок и крыши домов. «Пионерлагерь», – прочел на карте Лопатин. За пионерлагерем стоял еще один дом, окруженный деревьями, а там, до самого взбравшегося на гору Геническа, тянулся только серо-желтый песок косы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.